

УДК 811.161.1:161.26
DOI: 10.17223/19986645/38/2

В.И. Казарина

**К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАТИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ
ДОСТОВЕРНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
РОМАНА И.А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»)**

В статье на материале романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» выявлены субмодусы проблематической модальности разного уровня достоверности информативного компонента высказывания: `вполне возможно` и `вероятнее всего` – `возможно` и `представляться`, маркируемые парентезами с семой `предположение`. Установлена зависимость уровня достоверности от таких факторов, как личные качества предикативного субъекта, этимология модальных парентез, сохранивших семы производящих лексем, статус модального субъекта.

Ключевые слова: проблематическая модальность, модальный субъект, субъект предиката, субмодус, уровень достоверности, «Жизнь Арсеньева».

В содержательной структуре высказывания вычленяются два конститутивных компонента: информативный и модальный. Информативный компонент – это его вещественное значение, соотносимое с маркируемой высказыванием пропозицией. Модальный компонент, или модальность, – это оценка информативного компонента высказывания. В.В. Виноградов характеризовал ее как одну из «основных, центральных языковых категорий» [1. С. 58], в выражении которой, по Ш. Балли, «только и заключается смысл предложения» [2. С. 53]. И.И. Мещанинов отнес модальность к «понятийным категориям», которыми «передаются в самом языке понятия, существующие в данной общественной среде. Эти понятия не описываются при помощи языка, а выявляются в нем самом, в его лексике и грамматическом строе...». «Выявляясь в формальной стороне синтаксиса и морфологии, они становятся грамматическими понятиями» [3. С. 196].

Модальность – сложная, многоаспектная и дискуссионная категория русского предложения в ее широком понимании. К основным и наиболее дискуссионным вопросам в учении о модальности предложения, как правило, относят выявление видов модальной семантики, составляющих содержание этой языковой категории. В отечественной научной грамматике по данному вопросу единства нет, что определяет актуальность исследовательского внимания к этому аспекту категории модальности.

Исходя из понимания модальности как языковой категории, дифференцируем ее на предикативную и непредикативную. Предикативная модальность, в синтаксической науке за ней закреплен термин «объективная», указывает на соотношение содержания предложения с внеязыковым миром, на характер отражаемых в его содержании объективных связей между субъектом и предикатом, фиксируемых прежде всего формами наклонения глагола, определяя их как реальные или ирреальные. Предикативная модальность и есть тот неотъемлемый атрибут, вне которого нет предложения как коммуникативной

единицы. Такой подход к предикативной модальности, исключая ее терминование, можно считать общепризнанным.

Непредикативная модальность представляет оценку адекватности отражения маркируемого высказыванием внеязыкового элемента мира в сознании модального субъекта. Не принимая участия в формировании предикативной оси, являясь факультативным компонентом семантики предложения, она «накладывается» на грамматический грунт предложения, уже имеющего модальное значение [1. С. 70], образуя как бы его второй, иногда, третий слой, структурно осложняя позиционную схему и обогащая пропозицию высказывания. По своей семантике и ее объективации непредикативная модальность не однородна и дифференцируется на модальность потенциальности и модальность достоверности.

Модальность потенциальности обеспечивает, при наличии определенных условий, возможность возникновения маркируемой инфинитивом ситуации, являясь основой движения и развития, «заложенных в существующих явлениях» [4. С. 74]. Ее объективируют различные по своей семантике модальные модификаторы, включаемые в позиционные схемы в процессе речевой модификации предложения как языкового знака, формируя по отношению к его пропозиции «внутреннюю модальную рамку высказывания» [5. С. 721], устанавливая отношение между предикатом и его субъектом. Они сочетаются с предикативом-инфинитивом, маркирующим потенциальную ситуацию. Например: – *Вы опасный человек!* - сказала она мне, – *я бы лучше желала понасться в лесу под нож убийцы, чем вам на язычок...* (М. Лермонтов. Герой нашего времени); *Теперь я должен несколько объяснить причины, побудившие меня предать публике сердечные тайны человека, которого я никогда не зна* (М. Лермонтов. Герой нашего времени); *Можно было заслушаться его и тогда, когда он читал, всегда, по своему обыкновению, прищурив левый глаз и далеко отставив от себя книгу* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева).

Под непредикативной модальностью достоверности в грамматике обычно понимается модальность, представленная оценкой информативного компонента высказывания, его диктума, говорящим. Характер модальной оценки гносеологический. Она определяется уровнем знания модального субъекта, уровнем его информированности о сообщаемом. «Знание – это результат процесса познания действительности, получивший подтверждение в практике; адекватное отражение объективной реальности в сознании человека» [6. С. 58].

Известно, что формирование знаний (процесс познания) носит ступенчатый характер, каждый из этапов познания позволяет вносить в знания познающего новые элементы, обогащающие полноту знаний и приводящие к формированию более полных или достоверных, истинных знаний. Ступенчатость процесса познания отражается на степени достоверности информации, представленной автором (говорящим), маркируется специфическими парентетическими конструкциями, позволяющими дифференцировать модальную оценку достоверности на проблематическую и истинную.

Не имеющая отношения ни к предикативной оси предложения и, соответственно, к предикативной модальности, ни к внутрисинтаксической непредикативной модальности, она формирует очередной модальный слой, наслаи-

вающийся на уже имеющийся модальный компонент высказывания, формируя его внешнесинтаксическую модальность. Объективаторами этого модального компонента являются парентетические конструкции вводного характера, частицы и иногда междометия, включаемые в позиционную схему высказывания и формирующие его внешнюю модальную рамку [5. С. 723].

Цель исследования – выявление субмодусов проблематической модальности разного уровня достоверности, условий их реализации и объективации в русском языке на материале романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» [7].

Выбор материала обусловлен спецификой автобиографического романа, предполагающей наличие в нем проблематической модальности достоверности, а также отсутствием работ, освещающих функционирование модальной лексики, в частности парентез, в данном произведении.

Выявленные субмодусы проблематической модальности, условия, определяющие степень их достоверности, определяют новизну исследования.

Материал исследования представлен выборкой высказываний (77 примеров) с парентезами соответствующей семантики.

Модальность проблематической достоверности, основным компонентом которой является сема 'предположение', представлена лексемами *верно, вероятно, видимо, видно, должно быть, допустим, кажется, может, может быть, очевидно*.

Наиболее продуктивным в функционировании является модальное сочетание *может быть* и его разговорный вариант *может* (28 примеров: соответственно 20 и 8).

Производные от глагола *мочь* в значении 'быть в состоянии' с семой 'бытие, достоверность', вводные конструкции сохраняют ее, наслаиваясь на семему 'предположение'. Уровень большей или меньшей проблематичности в модальной оценке информативного компонента высказывания зависит от условий ее формирования

Определяемая данными субъекта предикативной характеристики, как правило, совпадающего с говорящим (специфика автобиографического романа), проблематическая модальность представлена субмодусами 'вполне возможно', 'вероятнее всего' с незначительной долей неуверенности: субъект рассчитывает свои силы и возможности в реализации своих замыслов: – *Я, однако, сказал скромно: – Вы знаете, что я пишу... Буду продолжать писать, работать над собой... **Может быть**, подготовлюсь и поступлю в университет...; Я видел, как беднел наш быт, но тем дороже был он мне; я даже как-то странно радовался этой бедности... **может быть**, потому, что и в этом находил близость с Пушкиным, дом которого, по описанию Языкова, являл картину тоже далеко не богатую; Как это дивно и ужасно, то, что было вчера! И это опять будет, **может быть**, даже нынче же! Ах, как я люблю и буду любить её; – Вы, как говорится в оракулах, слишком вдаль простираетесь... И впрямь: втайне я весь простирался в неё. Зачем? **Может быть**, именно за этим смыслом (смыслом жизни. – В.К.)?; Потом всё чаще стало мелькать в уме: о такой ли жизни я мечтал! Вот я, **может быть**, в самой лучшей поре своей, когда весь мир должен быть в моем обладании, а я не обладаю даже калошами!; Но, **может**, ещё ужаснее было то, что вслед за этим очень быстро покорился я судьбе.*

Реже модальность предположения со значительной долей истины реализуется и при внешнем модальном субъекте, не совпадающим с субъектом предиката: она также исходит из присущих субъекту пропозиции признаков: *... в дороге случилось вот что: в одной лощине — а дело было уже к вечеру, и места были очень глухие, — густо рос дубовый кустарник, тёмно-зелёный и кудрявый, и по её противоположному склону пробирался среди кустарника "разбойник", с топором, засунутым за пояс, — самый, **может быть**, таинственный и страшный из всех мужиков, виденных мной не только до той поры, но и вообще за всю мою жизнь; — Нет, — говорил он, — призвание Алексея не гражданское поприще, не мундир и не хозяйство, а поэзия души и жизни. Да и хозяйствовать-то, слава богу, уже не над чем. А тут, кто знает, **может**, вторым Пушкиным или Лермонтовым выйдет?*

Более высокий порог проблематичности, представленный субмодусом 'возможно, вероятно', отмечаем в высказываниях:

— при личном субъекте предиката, не совпадающем с модальным субъектом: ***Может быть**, он (приказчик) задумался о том, как ловко подсадил он социалиста? — А **может**, это татары нас так закапывали? Ведь всего было на свете, — и плохого и хорошего...; Здравствуйте, Александр Сергеич, — наперебой кричали отцу "резвые" у подъезда Дворянской. — Извольте приказать обождать, — **может**, в цирк вечерком поедете? На ней сидел, чёрной головнёй чернел большой ворон, и отец сказал, очень поразив этим моё воображенье, что вороны живут по несколько сот лет и что, **может быть**, этот ворон жил ещё при татарах...;*

— субъект которых представлен ситуативными именами: *А родись я и живи на необитаемом острове, я бы даже и о самом существовании смерти не подозревал. "Вот было бы счастье!" — хочется прибавить мне. Но кто знает? **Может быть**, великое несчастье; Нет, это время (младенчество. — В.К.) несчастное, болезненно-чувствительное, жалкое. **Может быть**, моё **младенчество** было печальным в силу некоторых частных условий?; Помню какую-то дивную лунную ночь, то, как неизъяснимо прекрасен, легок, светел был под лунной южной небосклон, как мерцали в лунной небесной высоте редкие лазурные звезды, и братья говорили, что все это — **миры**, нам неведомые и, **может быть**, счастливые, прекрасные, что, вероятно, и мы там будем когда-нибудь...; ...о художественной литературе говорят вообще так, что в меня, вопреки всем моим возмущениям, всё-таки с каждым днём всё больше и больше внедряется тайный страх, что, **может быть**, и впрямь вот этого никак нельзя писать, а вот это никому не нужно, а вот это (о бедном Макаре или о жизни ссыльных) единственно необходимо;*

— при совпадении модального субъекта с субъектом предиката, если оценка дается без учета возможностей субъекта ситуации: *Но я уже оправилась — пока она (мать), плача, целовала и крестила меня, я уже думал: "А **может**, бог даст, я ещё не выдержу..."; ... я вдруг увидел (как посторонний) свою привлекательность, — в этом открытии было, неизвестно почему, даже что-то грустное, свой уже довольно высокий рост, свою худощавость и своё живое, осмысленное выраженье внезапно увидел, одним словом, что я уже не ребёнок, смутно почувствовал, что в жизни моей наступил какой-то перелом и, **может быть**, к худшему...*

Модификаторы *верно* и *вероятно* (соответственно 15–6 примеров) соотносимы по семантике, стилистически специфичны (разг.). В лексическом значении слова *вероятно*, по данным словаря Д.Н. Ушакова, отмечены семы 'долженствование': 'надо полагать' и 'возможность': 'можно думать', позволяющие признать в первом случае более высокий уровень уверенности, предполагающий субмодус 'вполне возможно', во втором – более низкий, представленный субмодусом 'возможно'. Более высокий уровень уверенности определяется умением говорящего, внешнего модального субъекта, ориентироваться в обстановке, объективно ее оценивать, а при его совпадении с носителем предикативного признака – психическими данными последнего, его эмоциональным настроением: – *Несчастный Федор Михайлыч! – с ужасом говорил он про его отца. – Вероятно, этого голубчика казнят*; – *Ну, ты отлично понимаешь... Так вот, я и хочу тебя предупредить: я её нынче утром рассчитал. Иначе дело кончилось бы, вероятно, смертоубийством; Что до матери, то, конечно, я заметил и понял её прежде всех. Мать была для меня совсем особым существом среди всех прочих, нераздельным с моим собственным, я заметил, почувствовал её, вероятно, тогда же, когда и самого себя...* Снижение уровня достоверности в оценке, маркируемой субмодусом 'возможно', определяется семантикой предположения со значительной долей сомнения: *Легко представляю себе, до чего резко выделялся я за этим обедом своей юностью, свежестью, деревенским загаром, здоровьем, простосердечностью, горячей и напряженной внимательностью слуха и зрения, вид имевшей, вероятно, даже глупости и отупения!*; ... *слушала одобрительно, но, вероятно, только потому, что представляла себе, что это она сама сидит в саду, чертя по песку хорошеньким зонтиком.*

В лексическом значении модификатора *верно* сема уверенности не представлена, он объективирует субмодус 'возможно' со значительной долей проблематичности: *Среди моих предков было, верно, немало и дурных; – Тут мне даже кончить не дали: едва я дошёл до пробужденья стад "на мягких лугах", как меня остановили, – верно, учителю (рыжему, в золотых очках, с широко открытыми ноздрями) слишком хорошо было известно это пробужденье...*

В позиции модального субъекта выступают как говорящий, внешний по отношению к позиционной схеме, так и субъект предикативной характеристики. Ср.: – *Ты только о себе думаешь, хочешь, чтобы всё было только потвоему, – сказала она раз. – Ты бы, верно, с радостью лишил меня всякой личной жизни, всякого общества, отделил бы меня от всех, как отделяешь себя...* – *Верно, не раз я видал, много лет спустя, её мраморный крест на горе над Ялтой, среди множества прочих крестов, под кипарисами и розами, в легком и свежем морском ветерке светлого южного дня...*

Вводные слова *видимо* и *видно* семантически соотносимы с лексемой *видеться* в значении 'грезиться', исключая сему 'бытие, достоверность'. По данным словаря Д.Н. Ушакова, лексема *видно* стилистически маркирована (разг.), в ее семантике вычленяется сема 'долженствование': 'должно быть', отличающая ее от семемы *видимо*. Это, вероятно, позволяет говорить о более высоком статусе уровня оценки лексемой *видно* в оппозиции проблематичность – истинность при объективации субмодуса 'вполне возможно', что

подтверждает, считаем, и контекст модификатора, объективируемая позиционной схемой ситуация: *Грач, когда я наступил его, вдруг замер, с ужасом в диком блестящем глазу откинулся в сторону, прижался к земле и, широко раскрыв и подняв клюв, ощерясь, зашипел, захрипел от злости, решив драться со мной, **видимо**, не на живот, а на смерть...; И как бы подтверждая это, за мной вдруг тяжело бухнул и по всему лесу, гремящим кольцом охватывая его, раскатился выстрел, вслед за которым послышался особенно яростный взвизг и квохт, **видимо**, огромной стаяй взлетевших дроздов и бешено-яростный лай Джальмы: стрелял проснувшийся отец; Да, всё пропало! – думал я, просыпаясь, с трудом приходя в себя. – Всё, всё пропало, всё погублено, испорчено, но, **видно**, так тому и быть, всё равно теперь этого уже не поправишь.*

Модификатор *кажется* (14 высказываний) объективирует, как правило, субмодус `вполне возможно`, определяемый внутренними и внешними признаками субъекта высказывания независимо от статуса модального субъекта: *Каким счастьем были для меня балы, если на них не страдала моя ревность! Каждый раз перед балом я переживал жестокие минуты, – нужно было надевать фрак покойного мужа Авиловой, совершенно, правда, новый, **кажется**, ни разу не надёванный и всё же меня как бы пронзавший; **Кажется**, больше всего поразило меня то, что, приехав на вокзал, мы должны были идти в зал третьего класса, где брат, под надзором жандармов, дожидался отхода поезда, уже не смея сидеть с приличными, свободными людьми, уже лишившись воли распоряжаться собой, возможности пить чай или есть пирожки вместе с ними; "Не желая никому быть в тягость" ... он курил (и беспрестанно) только махорку, спал летом в амбаре, а зимой в лакейской, давно упразднённой за отсутствием лакеев, а что до пищи, то, **кажется**, был твердо убежден, что это суицидальный предрассудок, будто люди должны питаться...*

Реже в парентетической позиции *кажется* объективирует субмодус `представляться` в высказываниях, оценка информативного компонента которых определяется мыслительной деятельностью, эмоциями, желанием субъекта предиката, при его совпадении и несовпадении с модальным субъектом. Характер соотношения пропозиции высказывания с реальным миром роли не играет: *Казалось, сидел бы в этой лощине весь век, кого-то любя и кого-то жалея; Никогда, **кажется**, не чувствовал я такой нежной любви к отцу и матери, но только одна сестра Оля спасала меня в те дни от чувства одиночества, с особенной силой овладевшего мной; А та противоположность чувств и представлений, которую он поселял во мне, происходила из того, что для своих рассказов он чаще всего избирал, совсем не считаясь с моим возрастом, все, **кажется**, наиболее горькое и едкое из пережитого им...; Как мучительно мешалось с братом всё, что я видел и переживал в этот странный день, больше же всего, **кажется**, то сладкое восхищение, с которым я вспоминал о монашке, вышедшей из калитки монастыря!; Если б нашлась эта сказочная сабля! Я бы, **кажется**, задохнулся от счастья! А меж тем на что она мне была? Откуда взялась моя страстная и бесцельная любовь к ней?*

В форме сослагательного наклонения модификатор *казалось* наряду с функцией маркера модальной оценки предполагаемой ситуации выполняет функцию текстообразующую и смысловозначительную, сигнализируя об уступительно-противительных отношениях с последующим высказыванием: *К заутрене нас не возили, но всё же мы просыпались с чувством этого благодетельного перелома, так что, **казалось бы**, дальше не должно было быть места никакой печали. Однако она даже и тут была, даже в Пасхе; Пушкин поразил меня своим колдовским прологом к "Руслану"... **Казалось бы**, какой пустяк – несколько хороших, пусть даже прекрасных, на редкость прекрасных стихов! **Казалось бы**, нигде не существовавшее лукоморье, какой-то "учёный" кот, ни с того ни с сего очутившийся на нем и зачем-то прикованный к дубу, какой-то леший, русалки и "на неведомых дорожках следы невиданных зверей"*.

Функционирование лексемы *очевидно* менее частотно (7 примеров). Даваемая ею оценка также, считаем, имеет разный уровень проблематичности. Более высокий уровень сомнения в истинности оценки представлен в тех высказываниях, субъект которых объективирован, как правило, не личными именами. Модификатор – знак субмодуса `возможно`: *Разве это было бы возможно, будь нашей долей только то, что есть, "что бог дал", – только земля, только одна эта жизнь? Бог, **очевидно**, дал нам гораздо больше; **Казалось бы**, нигде не существовавшее лукоморье, какой-то "учёный" кот, ни с того ни с сего очутившийся на нем и зачем-то прикованный к дубу, какой-то леший, русалки и "на неведомых дорожках следы невиданных зверей". Но, **очевидно**, в том-то и дело, что вздор, нечто нелепое, небывалое, а не что-нибудь разумное, подлинное; в том-то и сила, что и над самим стихотворцем колдовал кто-то неразумный, хмельной и "учёный" в хмельном деле...; Брат, рассказывая мне о нём впоследствии, всё ещё восхищался им, говорил о его "ригоризме", о его железной воле, о "беспощадной ненависти к самодержавию и беззаветной любви к народу"; но была ли хоть одна из этих черт у брата, почему он восхищался? **Очевидно**, только в силу той вечной легкомысленности, восторженности, что так присуща была дворянскому племени и не покидала Радищевых, Чацких, Рудиных, Огарёвых, Герценов даже и до седых волос....*

При личном субъекте высказывания, независимо от совпадения или несовпадения его с модальным субъектом, модальная оценка более высокого уровня достоверности с субмодусом `вполне возможно`: *Много раз, конечно, видал я себя в зеркале и раньше и не запоминал этого, не обращал на это внимания. Почему же обратил теперь? **Очевидно**, потому, что был удивлен и даже слегка испуган той переменной, которая с каких-то пор, – может быть, за одно лето, как это часто бывает, – произошла во мне и которую я наконец внезапно открыл; ...более точно знаю только то, что мальчик мне понравился своей стройностью, красиво выгоревшими на солнце волосами, живым выраженьем лица – и что произошло несколько испуганное удивление. В силу чего? **Очевидно**, в силу того, что я вдруг увидал (как посторонний) свою привлекательность...; На балконе пили чай и разговаривали. Был опять брат Николай, – он часто приходил к нам по утрам. И он говорил – **очевидно**, обо мне; ...То чувство, с которым я вошел в вагон, было правиль-*

но – впереди ожидал меня и впрямь немалый, небудничный путь, целые годы скитаний, бездомности, существования безрассудного и беспорядочного, то бесконечно счастливого, то глубоко несчастного, словом, всего того, что, очевидно, и подобало мне...

Модальность проблематичности сообщаемого спорадически представляет конструкция *должно быть* (2 примера) и единичные *допустим* и *помнится*. Степень недостоверности оценки, предполагаем, также разная. Наибольшую проблематичность маркирует лексема *допустим*: говорящий допускает такую оценку только в статусе предположения, но делает это в интересах собеседника: – *Но, допустим, вы правы, – кричит она (Авилова), уже бледная, с потемневшими глазами и потому особенно прелестная, – почему всё-таки приходите вы в такую ярость?* Модификаторы *помнится* и *должно быть* – маркеры субмодуса ` вполне возможно `: *помнится* воспроизводит то, что имело место, сохранено, удержано в памяти, хотя, безусловно, элемент неуверенности при этом имеется: ` как припоминаю `; *должно быть* соотнесено с лексемой *должен*, в лексическом значении которой сема ` достоверность `: *Полагаю, что случилось осенью, судя по тому, что, помнится, загар мальчика в зеркале был бледный, такой, когда он сходит, выцветает, и что был я, должно быть, лет семи. Полагаю, что случилось осенью, судя по тому, что, помнится, загар мальчика в зеркале был бледный, такой, когда он сходит, выцветает...*

В позиционной схеме позиция модальных модификаторов не фиксирована. В начале предложения или перед предикативом оценка дается всей пропозиции. В препозиции к одному из ее компонентов, независимо от статуса последнего, оценивается достоверность – недостоверность только этого компонента. Ср. функционирование лексемы *верно* в примерах: *На обрыве за собором в городе я стоял, глядя на гнилые тесовые крыши мещанских лачуг, лепившихся внизу по буграм вдоль реки, на внутренности их грязных и убогих дворешек, и всё что-то думал о человеческой жизни, о том, что всё проходит и повторяется, что, верно, и триста лет тому назад были тут всё такие же черные тесовые крыши и всякая сорная дрянь, что растёт на пустырях, на глинистых буграх...; Так и Писарев; думая о нём, я мысленно видел теперь только его большой портрет, висевший в диванной Васильевского дома, портрет той поры, когда он только что женился (и, верно, надеялся жить бесконечно!); Среди моих предков было, верно, немало и дурных. – Она, верно, долго полулежала на тахте в нашей спальне, поджав под себя, по своей привычке, ноги, много курила...; Тут мне даже кончить не дали: едва я дошёл до пробужденья стада "на мягких лугах", как меня остановили, – верно, учителю (рыжему, в золотых очках, с широко открытыми ноздрями) слишком хорошо было известно это пробуждение...; Я ведь в конце концов совсем забыл о нем, – вот как забуду я, верно, и Баскакова, и Олю, и даже, может быть, отца, которого я сейчас так люблю, с которым такое счастье ходить на охоту, да забуду и всю Каменку, где мне знаком и дорог каждый уголок...*

В положении после вопросительного высказывания модификатор *должно быть* наряду с функцией маркера модальности выполняет функцию скрепы, вводя предполагаемый ответ на поставленный препозитивно вопрос: *Прямо*

подо мной, в солнечном свете, разнообразно круглились серо-зелёные и тёмно-зелёные верхушки сада, на которые так странно было глядеть сверху. Их осыпали оживленным треском воробьи, они, внутри тенистые, сверху стеклянно блестя под солнцем, а я глядел и думал: для чего это? **Должно быть**, для того только, что это очень хорошо.

Резюме. Проблематическую модальность в русском языке представляет синонимический ряд модальных парентез с семой 'предположение', маркируя субмодусы разной степени достоверности информативного компонента высказываний. Высокая степень достоверности характерна для субмодусов 'вполне возможно' и 'вероятнее всего', тогда как субмодусы 'возможно' и 'представляться' отмечены значительной долей сомнения в истинности сообщаемой информации.

Субмодусы разной степени проблематичности маркируют парентезы *может, может быть, вероятно, кажется, очевидно*. Субмодусы 'вероятнее всего' и 'вполне возможно' – означаемые парентез *видно, должно быть, помнится*, тогда как лексемы *верно, видимо* в романе «Жизнь Арсеньева» представляют субмодус 'возможно'.

Факторами, определяющими уровень достоверности модальной оценки, являются личные качества предикативного субъекта, а также этимология модальной парентезы, сохранение ею сем производящей лексемы. Повышает порог достоверности модальной оценки и соотнесение модального субъекта с субъектом предикации.

Литература

1. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // В.В. Виноградов. Избранные работы. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 53–87.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: УРСС, 2001.
3. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М., 1945.
4. *Философский словарь* / под ред. М.М. Розенталя, П.Ф. Юдина. М.: Политиздат, 1963.
5. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис, Морфология. М.: Наука, 1988 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com/file/471848/> (дата обращения: 25.06.2013).
6. Горский Д.П., Ивин А.А., Никифоров А.Л. Краткий словарь по логике. М.: Просвещение, 1991. С. 58.
7. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/BUNIN/buninars.txt> (дата обращения 02.03.2015).

ON THE PROBLEMATIC MODALITY OF EVIDENTIALITY IN THE RUSSIAN LANGUAGE (ON THE MATERIAL OF I.A. BUNIN'S NOVEL *THE LIFE OF ARSENEV*)

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 6 (38), 19–28.

DOI: 10.17223/19986645/38/2

Kazarina Valentina I., Elets State University named for Bunin I.A. (Elets, Russian Federation). E-mail: kazarina39@mail.ru

Keywords: problematic modality, modal modifier, modal subject, subject of predication, sub-modus, degree of evidentiality/certainty, *The Life of Arseniev*.

In the article, the author considers a certain variety of epistemic modality, one of those which are objectivized by parenthetic constructions and shape an outer modal frame of utterance.

United by the seme of supposition, parenthetic constructions with *verno, veroyatno, vidimo, vidno, dolzhno byt', dopustim, kazhetsya, mozhet, mozhet byt', ochevidno* mark the modality of problematic evidentiality. In the sub-modi they represent, the level of evidentiality in the evaluation of an informative component of the utterance (or one of its components) turns out to be different. Such sub-

modi as *veroyatnee vsego* and *vpolne vozmozhno* demonstrate a smaller level of uncertainty whereas the other ones, *vozmozhno*, *predstavlyaetsya*, show a higher degree of uncertainty in their evaluation.

A number of factors influence the level of problematic evidentiality of evaluation and they are to be taken into consideration by a modal subject. These coefficients depend on the personal qualities of predicative property bearers (subjects of predication), their amount of knowledge and experience which let them give more objective judgments and take into account positional schemes with modifiers *mozhet byt'*, *kazhetsya*, *pomnitsya*, *ochevidno*, *pomnitsya* objectivizing the sub-modi 'veroyatnee vsego' and 'vpolne vozmozhno'. In this case a modal subject either coincides with the subject of predication (represented by the 1-st person singular pronoun which is a distinguishing feature of this autobiographical novel about the youth of I.A. Bunin) or not. But in the latter case personal traits of the subject of predication have also been taken into account and represented by the author. The impossibility to take into consideration the properties of the predicative subject or absence of trustworthy cognizance of the objects or situations to be qualified increase greatly the degree of evaluation unreliability, inaccuracy and hypotheticity.

The possibility of objectivizing a sub-modus with a bigger or smaller degree of uncertainty depends partially on the etymology of parenthesis that keeps the seme of a derivative stem in its meaning: the seme 'obligation' in its vocabulary meaning *veroyatno* gives an opportunity of marking the sub-modus 'vpolne vozmozhno' with a higher degree of objectivity in evaluation. At the same time the seme 'possibility' is connected with the presence of a higher degree of uncertainty in the modal evaluation of the sub-modus 'vozmozhno'. The occurrence of the seme 'authenticity' in the lexical meaning of such parenthetical constructions as *dolzno byt'* and *pomnitsya* is also explained etymologically.

The place of modal parentheses in positional schemes of sentences is not fixed: a modifier gives evaluation with a different degree of veracity to the whole proposition if it begins a sentence (as a predicative unit) or in the preposition to the predicate. If a parenthesis is related to other components of a positional scheme, only these separate components of a proposition are certified as problematic.

Along with the function of a modal modifier, a text-forming role of parenthetical constructions found its consideration in the article.

References

1. Vinogradov, V.V. (1975) O kategorii modal'nosti i modal'nykh slovakh v russkomazyke [On the category of modality and modal words in Russian]. In: Vinogradov, V.V. *Izbrannye raboty. Issledovaniya po russkoy grammatike* [Selected works. Research on Russian grammar]. Moscow: Nauka.
2. Bally, Ch. (2001) *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and issues of the French language]. Translated from French. Moscow: URSS.
3. Meshchaninov, I.I. (1945) *Chleny predlozheniya i chasti rechi* [Members of the sentence and parts of speech]. Moscow: USSR AS.
4. Rozental', M.M. & Yudin, P.F. (eds) (1963) *Filosofskiy slovar'* [Philosophical Dictionary]. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury.
5. Kasevich, V.B. (1988) *Semantika. Sintaksis, Morfologiya* [Semantics. Syntax. Morphology]. Moscow: Nauka. [Online]. Available from: <http://www.twirpx.com/file/471848/>. (Accessed: 25 June 2013).
6. Gorskii, D.P., Ivin, A.A. & Nikiforov, A.L. (1991) *Kratkiy slovar' po logike* [Concise Dictionary of Logic]. Moscow: Prosveshchenie.
7. Bunin, I.A. (1952) *Zhizn' Arsen'eva* [The Life of Arseniev]. New York: Izdatel'stvo imeni Chekhova. [Online]. Available from: <http://lib.ru/BUNIN/buninars.txt>. (Accessed: 02 March 2015).